Кн. Эсперъ Ухтомскій.

Изъ Китайскихъ писемъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая Скоропечатня «ВОСТОКЪ», Шпалерная, 26.
1901.

Паровая скоропечатня М. М. Гутзацъ С.П.Б.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Февраля 1901 г.

Въ концѣ 1900 г. мнѣ пришлось быть въ Китаѣ единственнымъ пріѣзжимъ представителемъ русскаго печатнаго слова, когда отъ западныхъ газетъ и журналовъ туда собралась цѣлая плеяда.

Быть можетъ, бѣглыя замѣтки и нѣкоторые, на мѣстѣ сложившіеся выводы мои найдутъ хоть слабый откликъ и сочувствіе въ родной мнѣ средѣ.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ БРОШЮРЫ:

I.

Шанхай, 2 октября.

Здѣшняя жизнь слишкомъ безцвѣтна и монотонна, слишкомъ поглощена мелкими коммерческими интересами и гаденькой игрой разныхъ политическихъ страстей, чтобы изъ Шанхая стоило писать, какъ изъ центра «съ высокими культурными интересами»... Напротивъ, водоворотъ событій, изъ-за которыхъ конвульсивно вздрагиваетъ теперь косная Восточная Азія, а Западъ готовъ вести раззорительнѣйшую и безплодную по конечнымъ результатамъ борьбу, шанхайцевъ трогаетъ лишь косвенно и полусознательно, поскольку отъ этого страдаютъ карманные интересы. Они же безспорно страдаютъ, потому что торговля и вообще всякая business пришли въ упадокъ и застой; каждую минуту можно бояться катастрофы не хуже тянь-цзинской и пекинской, никто не въ состояніи отдать себѣ, въ строгомъ смыслѣ слова, отчетъ, чего дѣйствительно надо ждать отъ завтрашняго дня... Преобладающее большинство мѣстныхъ горожанъ о немъ съ опасеніемъ и не думаетъ, считая «концессіи» достаточно огражденными присутствіемъ на рѣкѣ военныхъ судовъ и войсками разныхъ національностей, высаженными на побережьѣ р. Вампу. Существуютъ, однако, осторожно, но вѣско выражаемыя мнѣнія, что послѣдній оплотъ вовсе не такъ твердъ и надеженъ для охраны имущества соотечественниковъ, какъ принято думать и говорить. Напримѣръ, въ Тянь-цзинѣ одинъ околотокъ былъ «на научныхъ основаніяхъ» систематически ограбленъ своими же родными солдатами: у домовъ ставились часовые, чтобы не впускать туда хозяевъ, а добро ихъ въ это время поспѣшно распродавалось чуть-ли не въ китайскія руки. Одинъ банкъ въ этомъ же богоспасаемомъ градѣ подвергся опустошенію отъ своихъ же присланныхъ для огражденія его, войсковыхъ частей.

Удивительнаго тутъ, по правдѣ говоря, ничего нѣтъ, разъ извѣстно, что послѣ взятія Пекина, при посѣщеніи дипломатическимъ корпусомъ покинутаго богдыханомъ дворца, лучшіе сувениры изъ бриллiантовъ и жемчуга унесли лица съ громкимъ именемъ и положеніемъ. Чего же бросать камнемъ осужденія въ простыхъ людей, которые, присутствуя на колоссальнѣйшемъ и безстыднѣйшемъ международномъ «looting», наперерывъ другъ передъ другомъ бросались присваивать себѣ все, что плохо лежало? Въ Шанхаѣ открыто, при помощи газетныхъ оповѣщеній, распродается награбленное на сѣверѣ добро,—да еще съ такими печатными завѣреніями, что это, должно быть, шелки и мѣха злодѣя Туана, и потому почтеннѣйшая публика, конечно, обратитъ надлежащее вниманіе на сбываемое ей изъ такого интереснаго источника...

Несмотря на присутствіе многихъ военныхъ судовъ въ рѣкѣ, настроеніе здѣсь наиболѣе чуткихъ европейцевъ скорѣе пессимистично. Смежный нанкинскій вице-король пересталъ еще осенью правильно платить жалованье своему гарнизону. Въ бассейнѣ Голубой рѣки отъ засухи пропало уже два посѣва, рѣки мелѣютъ, озлобленіе противъ иноземцевъ ростетъ, день и ночь совершаются дѣятельныя приготовленія къ укрѣпленію береговъ, къ усиленію, и безъ того очень сильныхъ, огражденій. Стоитъ упасть искрѣ гдѣ-нибудь среди обильно накопляющагося горючаго матеріала, и бѣдствія будутъ неисчислимы. Если вспыхнетъ Средній Китай, а за нимъ подымется, возбуждая смуты во французской колоніальной имперіи, кантонскій югъ,—несчастія и осложненія, испытанныя союзниками на сѣверѣ, покажутся незначительными.

Упорнѣйшая на свѣтѣ раса именно своимъ пассивнымъ, поразительно-трусливымъ и въ то же время всегда неожиданнымъ отпоромъ испортитъ еще много крови бѣлому человѣку.

Надо надѣяться, что мы въ этой неравной борьбѣ очутимся въ сторонѣ и ни для кого не будемъ таскать изъ огня каштаны.

Довольно этихъ каштановъ надо вытаскивать изъ-за приморской Маньчжуріи, достающейся намъ слишкомъ дорогою цѣной!

Наивный богдыханъ, силою увезенный въ послѣднюю минуту изъ пекинскаго дворца, взятіе котораго двору представлялось прямо немыслимымъ издаетъ въ печальномъ и тяжкомъ, преисполненномъ лишеній изгнаніи декретъ за декретомъ, трактующій о мирѣ... такъ какъ никто не хотѣлъ и не хочетъ войны, все же произошло отъ недоразумѣній (!!) между боксерами и туземными христіанами, чего онъ—императоръ, по неискусству въ управленіи государственными дѣлами, къ сожалѣнію, не умѣлъ предотвратить. Принцъ Туанъ, въ свою очередь сообщалъ въ Шанхай черезъ пріятелей и знакомыхъ, что, если державамъ въ концѣ концовъ нужна будетъ его голова, онъ на благо родины готовъ даже покончить самоубійствомъ, но лишь въ томъ случаѣ, когда его о томъ вѣжливо попросятъ. Весь вопросъ въ формѣ! Можно-ли лучшаго желать? Между тѣмъ, ежедневно съ дикой азіатской музыкой проходятъ по богатѣйшему шанхайскому Nanking Road'у, алчно заглядываясь на его лавки и магазины, индійскія разнохарактерныя войска и, гулко отбивая тактъ молодецкою походкой, замѣчательно видные нѣмецкіе солдаты переносятъ насъ мысленно къ берлинскому Brandenburger Thor... Зачѣмъ понадобилось нѣмецкому орлу такъ далеко направить за море свой полетъ? Какими послѣдствіями грозитъ эта наступательная политика прогрессу истинной культуры?

II.

При входѣ въ общественный садъ по набережной Шанхая, гдѣ играетъ музыка и разстилается весьма любопытный видъ на оживленную, полную движенія рѣку,—взоры новоприбывшихъ сюда посѣтителей невольно останавливаются на запрещеніяхъ, въ слѣдующемъ характерномъ порядкѣ красующихся надъ садовыми калитками: «собаки не допускаются», «китайцы

не допускаются». Между тѣмъ, стоитъ войти въ садъ, какъ поражаешься количествомъ снующихъ и важно расхаживающихъ по немъ китайцевъ. По ближайшемъ разсмотрѣніи это противорѣчіе объясняется: наслаждаются здѣсь воздухомъ и обществомъ не туземцы, а странные люди обоего пола (зачастую лошадинаго типа дамы съ рыжими косами и въ пенснэ!), именующіе себя солью земли, миссіонерами, просвѣтителями Дальняго Востока. Когда мнѣ однажды пришлось проѣзжать изъ Америки въ Японію, на пороходѣ была одна огромная семья съ дурно воспитанными, до невозможности шаловливыми дѣтьми, отвѣчавшими на вопросъ остальныхъ пассажировъ, кто они, какого рода племени... англичане, американцы, канадцы: «мы—миссіонеры». Это самоопредѣленіе какъ нельзя болѣе мѣтко обрисовываетъ соціальное положеніе лицъ, которыя здѣсь играютъ, увы! далеко не послѣднюю роль въ кровавыхъ событіяхъ новѣйшаго времени. Этими дѣятелями внесено столько смуты и разложенія, элементовъ разлада и непримиримой борьбы въ мирную жизнь колоссальнѣйшей имперіи, что при всѣхъ понесенныхъ ими нынѣ тяжкихъ жертвахъ и гоненіяхъ всетаки неотступно напрашивается размышленіе, должны-ли были и смѣли-ли проповѣдники Слова Божія такъ обострять свои отношенія къ терпимѣйшему народу и властямъ, какъ они это сдѣлали къ началу боксерскаго волненія. Вѣдь ихъ слѣпо ненавидятъ многіе милліоны живыхъ существъ, видящихъ въ такъ называемой миссіонерской ревности безпринципное вторженіе въ чужой вѣковой бытъ и строй! Когда встарь пламенѣвшіе вѣрой и любовью истинные сыны Церкви по призванію выступали на просвѣтительную апостольскую стезю, подобный свѣтлый подвигъ духа могъ только умилять и восхищать даже тѣхъ, къ кому они шли со словами фанатической укоризны и боговдохновеннаго увѣщанія. Теперь и времена радикально измѣнились, и проповѣдники стали вращаться въ совершенно иной атмосферѣ. Развѣ это не есть фарисейство и

отчасти коварство со стороны Запада, погибающаго отъ собственныхъ соціальныхъ недуговъ и поразительно прогрессирующаго несчастія,—посылать на проповѣдь въ дальнюю Азію людей, которые могли бы, конечно съ неменьшею пользою для души ближняго, цѣлебно прикоснуться къ нашему «darkest West», гдѣ рожденныя въ христіанскомъ мірѣ массы несчастныхъ на глазахъ у всѣхъ насъ томятся въ безднѣ нищеты и разврата? Почему не направить на благо соотечественниковъ избытокъ энергіи, одушевляющей миссіонеровъ?

Лѣтомъ въ Шанхаѣ засѣдалъ конгрессъ ихъ изъ нѣсколькихъ сотъ участниковъ, постановлявшій резолюцію за резолюціей, какую кровавую расправу цивилизованныя правительства должны учинить надъ поверженнымъ Китаемъ... Подобные вопли мщенія звучатъ предъ туземцами (съ величайшей хулой на старую богдыханшу именно въ данный моментъ, когда положеніе и безъ того невѣроятно обострено!) изъ среды лицъ, номинально посвятившихъ себя служенію Истинѣ. Не мудрено, если китайцу любого общественнаго слоя непрошенные глашатаи западнаго вѣроученія кажутся болѣе демонами, чѣмъ наставниками къ добродѣтельной жизни. Когда они находятся одни въ чисто туземной обстановкѣ, ношеніе ими косъ и мѣстной одежды понятно: въ цѣляхъ не возбуждать понапрасну празднаго любопытства толпы невиданнымъ ею костюмомъ. Но чѣмъ объяснить продѣлываемый ими въ Шанхаѣ неприличный маскарадъ? Для кого они тамъ рядятся по китайски въ шелка и бархатъ, водя, однако, на прогулку своихъ маленькихъ дѣтей, какъ настоящихъ англо-саксонскихъ бэби? Европейцы на Дальнемъ Востокѣ въ большинствѣ случаевъ отрицательно и презрительно, а то и съ негодованіемъ смотрятъ на лицемѣріе всякихъ духовныхъ businessmen, пріѣзжающихъ разыгрывать тутъ роль волковъ въ овечьей шкурѣ. Скромные, трудящіеся, убѣжденные миссіонеры (какихъ много выдвигаетъ католическій міръ), конечно, не вызываютъ столь дур-

ныхъ чувствъ и не подходятъ подъ слишкомъ суровую характеристику,—но помогли закипанію смуты не они, сами отъ нея жестоко пострадавшіе, а въ значительной мѣрѣ эти первые, сдѣлавшіе изъ миссіонерства источникъ тунеядства и легкой наживы, комфортабельно разъѣзжающіе на пароходахъ со скидкой въ 50 проц. и попивающіе въ I классѣ недурное вино, соблазнительно исказившіе первоначальную основу проповѣднической дѣятельности и заставляющіе здѣсь даже очень религіозныхъ людей, краснѣя, называть этихъ авгуровъ крапивнымъ сѣменемъ... Пока они будутъ зловѣщими птицами рѣять по небосклону надъ китайскимъ побережьемъ, жадно требуя денегъ и крови, никакое спокойное обсужденіе вопроса, какъ хотя бы временно примирить Восточный и Западный міръ, ни на іоту не подвинется впередъ. Мы будемъ присутствовать лишь при палліативахъ. Между тѣмъ, наша культурная среда до того изолгалась, есть столько предразсудковъ и противорѣчій, которые въ руководящихъ сферахъ не хотятъ или не смѣютъ открыто устранить съ дороги, что дерзкіе штукари и шарлатаны, не имѣющіе и тѣни подобія послѣдователей Христа, а, напротивъ, заметающіе надолго путь къ христіанизаціи Дальняго Востока, и въ этомъ году, чего добраго, посмѣются надъ здравымъ смысломъ соотечественниковъ, создавая для мира съ китайцами неодолимѣйшія затрудненія. Печально это понимать и всетаки сознавать полное безсиліе помочь горю. Напуская на насъ китайскій туманъ, Провидѣніе, видно, рѣшило наказать просвѣщенные народы за глубоко несправедливое отношеніе къ Азіи...

III.

Тревожные слухи о новомъ боксерскомъ наступленіи ходили по Тянь-цзиню, когда я собрался ѣхать въ столицу богдыхановъ, которую, по мѣстнымъ слухамъ, нѣмцы одно время даже собирались срыть съ лица земли, въ наказаніе за злополуч-

ный выстрѣлъ, сдѣланный туземнымъ солдатомъ по дипломатическому представителю германскаго государства. Покойный Кеттлеръ, какъ теперь неоспоримо доказано, самъ вызвалъ свою гибель, рѣшивъ показаться на улицахъ, послѣ взятія Таку, при возбужденіи массъ, несмотря на просьбы коллегъ—посланниковъ и китайскихъ министровъ не рисковать понапрасну жизнью, за чертою посольствъ... гдѣ скоплялся свирѣпѣющій темный людъ.

Надо было торопиться туда холоднымъ пасмурнымъ ноябрьскимъ днемъ при порывистомъ ледяномъ вѣтрѣ (sand-storm), ослѣплявшемъ всюду проникавшею отвратительной пылью. Надо было проскакать верхомъ свыше ста верстъ среди полей, съ погибшей для жителей неснятой жатвой, среди развалинъ, представляющихъ собой мерзость опустошенія (не лучше ужасовъ Батыевой и Тамерлановой эпохи), среди почти настоящей пустыни, гдѣ даже голодныя собаки и тѣ съ опаской глядятъ на проѣзжаго иностранца... Положеніе въ Пекинѣ оказалось самое грустное. Державы попали въ такой impasse, изъ котораго ихъ никакому гр. Вальдерзее не вывести. Фельдмаршалъ,—какъ говорятъ имѣющіе къ нему ближайшее отношеніе,—самъ понимаетъ безполезность своего присутствія на китайскомъ театрѣ войны, гдѣ всѣ агрессивныя дѣйствія сводятся, въ концѣ-концовъ, лишь къ тому, чтобы обижать, грабить недоумѣвающее мирное населеніе, разстрѣливать по доносамъ туземныхъ мошенниковъ-христіанъ то того, то этого мнимаго боксера, совершать всякія жестокости и насилія надъ китайцами, потому что они—соотечественники убійцы посланника Кеттлера, и т. д. Страсть къ грабежу среди недавно еще хорошо дисциплинированныхъ и сдержанныхъ нѣмцевъ («Ostasiat. Lloyd» весьма рѣзко, но тщетно подчеркивалъ ихъ добродѣтельное поведеніе по сравненію съ другими союзниками) постоянно усиливается. Даже строгими мѣрами взысканія и наказанія престарѣлый главнокомандующій не можетъ пре-

сѣчь злоупотребленій. Онъ, какъ передаютъ, самъ сознаетъ, что послѣдніе фазисы восточно-азіатской политики Германіи являются результатомъ нѣкотораго фантазированія и заблужденія, тогда какъ ей, по настоящему, вполнѣ довольно роли на Шандунѣ и дорого стоющаго Цзяо-Чжоу, завоеваніе же чжилійской провинціи и т. п. болѣе чѣмъ нежелательно... Послушаютъ-ли только совѣтовъ многоопытнаго и проницательнаго гр. Вальдерзее въ непомѣрно тщеславномъ Берлинѣ?! Къ сожалѣнію, это маловѣроятно.

Въ данную минуту Пекинъ, мѣстами оживающій (хотя и слабо) по примѣру прежнихъ лѣтъ кипучей торговой дѣятельностью, представляетъ изъ себя въ общемъ всетаки картину страшнаго разгрома и опустошенія. Отраженіе ихъ всего виднѣе на императорскихъ дворцахъ и сокровеннѣйшихъ, вчера еще недоступныхъ европейцу кумирняхъ. Тамъ теперь до такой степени похозяйничали иностранцы, что, кромѣ причудливо разукрашенныхъ, величественныхъ потолковъ и стѣнъ, обломковъ мебели и утвари, нечаянно оставленной мародерами,—наконецъ, неизгладимой печати скорбнаго осиротѣнія повсюду и на всѣмъ,—ничто не напоминаетъ о сбѣжавшей въ горы надолго, если не навсегда, когда-то могущественной и гордой маньчжурской династіи. По единодушному сужденію лицъ, способныхъ оцѣнить и понять современное политическое безвыходное положеніе, дворъ не захочетъ и не рѣшится вернуться въ опозоренную союзниками столицу, гдѣ каждый камень вопіетъ къ нему о совершенномъ надъ богдыханами безчестіи, о неслыханномъ со временъ Чингисхана вандализмѣ пришлецовъ, о поруганномъ культѣ предковъ, которымъ, однако, стоитъ и дышетъ Китай. Достаточно сказать, что итальянскій посланникъ не нашелъ себѣ болѣе подходящаго помѣщенія, какъ царскій шаманскій храмъ, гдѣ правитель въ одеждѣ и погремушкахъ верховнаго жреца и заклинателя ежегодно разъ, въ установленный день, со всѣми особенностями стародавнѣйшаго

френетическаго обряда совершалъ обычное священнодѣйствіе предъ табличкою основателя династіи, въ память своихъ дикихъ отцовъ и дѣдовъ на берегахъ Амура. Когда князь Цзинъ пріѣхалъ въ итальянскую миссію съ визитомъ, то не рѣшался войдти въ маньчжурское святое святыхъ, куда недавно доступъ былъ открытъ одному богдыхану. По тѣмъ палатамъ, куда не ступала нога иноземца съ Запада и гдѣ благоговѣйно ложились ницъ предъ ступенями трона высшіе сановники имперіи и князья, насмѣшливо прогуливаются солдаты и туристы. Наглые англичане, съ тросточками въ рукахъ, разваливаются на богдыханскихъ сидѣніяхъ-престолахъ. Входъ въ заповѣдные сады съ таинственными даосскими храмиками открытъ бѣлому человѣку. Окруженные голодающими придворными собачками и попугаями евнухи тщетно ждутъ возвращенія хозяевъ-владыкъ... Они не вернутся: они отвратили свои взоры отъ оскверненнаго Пекина, имъ во сто-кратъ становится милѣй глухой провинціальный центръ, гдѣ не будетъ споровъ съ дипломатами въ цзунъ-ли-ямынѣ, гдѣ никакой принцъ Генрихъ, къ соблазну черни, не нарушитъ придворнаго, съ незапамятныхъ временъ существующаго этикета, гдѣ императоръ можетъ невозбранно и въ торжественномъ одиночествѣ, согласно требованіямъ сѣдой старины, молиться Небу среди незримаго сонма слетающихъ къ нему тѣней, — тѣней всѣхъ прежнихъ правителей Китая. Теперь въ этомъ поразительно красивомъ и величавомъ храмѣ Неба, на пространствѣ окружающаго его грандіознаго парка, расквартированы жестоко зябнувшія въ ноябрѣ и декабрѣ индійскія войска, съ умысломъ помѣщенныя англичанами въ столь характерномъ пунктѣ (напоминающемъ отчасти парки у мавзолеевъ Агры и Дэли) и въ лѣтнемъ загородномъ дивномъ дворцѣ, чтобы нагляднѣе внушить ненадежнымъ азіатскимъ подданнымъ королевы, будто сломленъ послѣдній оплотъ туземнаго самобытнаго могущества на ихъ родномъ материкѣ и, значитъ, всякая борьба съ западными началами безполезна...

Пока Пекинъ, строго говоря, доживаетъ эру своего историческаго значенія и существованія: онъ держится и отчасти еще искусственно процвѣтаетъ присутствіемъ большого количества союзныхъ войскъ и вѣрящихъ въ лучшее будущее миссій, а также алчностью горожанъ, не рѣшающихся разстаться съ тщательно схороненными, закопанными богатствами. Общее впечатлѣніе положительно таково, что находишься среди громаднаго кладбища, гдѣ тусклая жизнь струится лишь съ полустертаго начертанія когда-то бывшихъ импозантными памятниковъ и съ крестовъ на изголовья могильныхъ плитъ. Западъ нанесъ больнѣйшій ударъ Востоку плѣненіемъ и разграбленіемъ столицы богдыхановъ, но практическаго результата, т. е. усмиренія и подчиненія себѣ населеннѣйшей на свѣтѣ страны, онъ, увы! нимало не достигъ,—скорѣе, напротивъ, отсрочилъ на неопредѣленный срокъ эти два явленія. Китаецъ еще болѣе чѣмъ прежде, но съ глубоко затаенной злостью, возстановленъ противъ нечестивыхъ, презрѣнныхъ пришельцевъ. Онъ всегда ждалъ, а теперь тѣмъ напряженнѣе ждетъ возможности отомстить имъ. Однако, чувство безсилія парализуетъ обиду и гнѣвъ. Терпѣніе, и безъ того присущее восточному люду, заставляетъ таить чувство непріязни. Положимъ, неразумные боксеры на свою же бѣду пострѣливаютъ тутъ и тамъ по сторонамъ большихъ дорогъ. Положимъ, въ числѣ труповъ послѣ подобныхъ стычекъ съ туземцами, европейцы находили молоденькихъ дѣвушекъ, одѣтыхъ по-мужски, и, очевидно, увлеченныхъ сильнымъ національнымъ движеніемъ. Положимъ, кровавая и упорная борьба желтой рассы съ бѣлой (японцы и русскіе, по моему, въ ней участвуютъ лишь по недоразумѣнію) только началась... Во всякомъ случаѣ, ей не предвидится конца. Во всякомъ случаѣ, побѣда не всегда будетъ даваться такою относительно легкою цѣною, какъ въ нынѣшнемъ году,—особенно если мы въ ней не примемъ первенствующаго участія, столь удобнаго для снимающихъ за насъ пѣнки союзниковъ.

Надо посмотрѣть правдѣ въ глаза: русскіе пришли изъ Портъ-Артура въ Тянь-цзинь вытащить за уши ущемленныхъ въ немъ иностранцевъ. Нашей кровью преимущественно политъ путь на Пекинъ для освобожденія посланниковъ. Нами спугнутъ, къ собственному нашему неудобству при управленіи неприсоединяемой Маньчжуріей, злополучный пекинскій дворъ. Въ разрушительной работѣ Запада противъ Китая, направленной главнымъ образомъ на вредъ Россіи, послѣдняя случайно, изъ обычнаго великодушія, приняла до такой степени выдающуюся роль, что сами союзники испугались богатырскаго русскаго размаха, и ядовитѣйшія нападки посыпались отовсюду именно на насъ за черезчуръ будто бы усердный погромъ боксерства. Разныя мнимо-карательныя экспедиціи и расправы in cold blood, впослѣдствіи предпринимавшіеся и предпринимаемыя нашими доброжелателями, не идутъ, повидимому въ счетъ. Возмутительнѣйшія реквизиціи и простой разбой среди бѣла дня никого не удивляютъ, разъ замѣшаны не русскіе. Захватъ древностей и рѣдкостей, распродажа всякаго looting — нѣчто узаконенное, съ высшей цивилизаторской точки зрѣнія. Но то, что нашъ несчастный солдатикъ гдѣ-нибудь на грошъ попользовался добычей по праву войны, величайшаго изъ узаконенныхъ и необходимыхъ беззаконій, это съ ума сводитъ лицемѣрную иностранную печать, закрывающую, однако, глаза на непозволительныя выходки и дѣянія собственныхъ бандитовъ и пиратовъ. И вотъ, когда «добросовѣстный, ребяческій развратъ» нашего воинства возведенъ въ особую газетную рубрику «Russian atrocities», когда выдающійся своею безцвѣтностью англійскій посланникъ Клоудъ Макдональдъ вмѣсто того, чтобы любоваться драгоцѣнными часами богдыханши, присвоенными на глазахъ у всѣхъ его женой, при осмотрѣ дипломатическимъ корпусомъ императорскихъ запретныхъ покоевъ, составляетъ со своимъ достойнымъ pendant, итальянскимъ посланникомъ Сальваго Раджи, протоколъ о гра-

бительствѣ русскихъ войскъ,—Россія, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, постепенно удаляется изъ чжилійскаго района... тутъ-то и начинается настоящая свистопляска: насъ корятъ и вѣроломствомъ, и непониманіемъ собственныхъ интересовъ, и секретными соглашеніями съ Китаемъ, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, мы оказываемся въ положеніи мельника басни, который, возвращаясь съ сыномъ на новокупленномъ осликѣ изъ города домой, никакъ не могъ удовлетворить встрѣчныхъ прохожихъ: всякій давалъ совѣтъ, кому сидѣть, кому идти пѣшкомъ, какъ нужно вообще пользоваться услугами вьючнаго животнаго. Насъ хотятъ сразу заставить понять, что въ циклѣ образованныхъ націй (когда даже японцы приравнены надменнымъ Альбіономъ къ представителямъ кавказской рассы: «you are a white man, Mr. Jap.» льстиво говоритъ шанхайская печать!) русскіе призваны играть роль какихъ-то куліевъ. Черную, неблагодарную нашу работу на Европу она, эта великая мастерица лгать и притворяться подъ маской христіанства или просвѣщеннаго радикализма (смотря по тому, что въ данномъ случаѣ выгоднѣе надѣть!!), еще способна принимать какъ должную дань. Но лишь только наступаетъ моментъ расплаты, со сцены слышится классическое Шиллеровское изреченіе:

Der Mohr hat seine Pflicht gethan—
Der Mohr kann gehn...

Въ результатѣ получаются слѣдующія безобразныя явленія: если на устроенный русскими между Янцзуномъ и Пекиномъ этапъ, занятый послѣ ихъ ухода нѣмцами,—прекомично величающими въ особыхъ надписяхъ на дощечкахъ любую лужаечку передъ конюшнями «Paradeplatz»,—пріѣзжаютъ для ночлега усталые русскіе офицеры... имъ не только не оказывается ни малѣйшаго гостепріимства, въ нашемъ смыслѣ слова, но отводится худшее и неопрятнѣйшее помѣщеніе (Fremdenzimmer!) и съ чисто тевтонскою безцеремонностью заявляется, что, въ случаѣ прибытія нѣмецкихъ пріѣзжихъ, и

оттуда, пожалуй, ночью, придется убраться. Когда поднялся вопросъ о передачѣ намъ нѣмцами въ Пекинѣ нами же захваченныхъ при взятіи города и оставленныхъ тамъ, на союзномъ попеченіи, всего нѣсколькихъ китайскихъ пушекъ изъ мѣстнаго арсенала для отправки на память въ русскій музей, поднялась цѣлая исторія, вышли всякія зацѣпки и задержки, германцы чуть-ли не изъ милости согласились разстаться съ орудіями, которыхъ они, не участвовавшіе въ штурмѣ богдыханской столицы, даже и не брали грудью у яростно оборонявшагося изъ-за прикрытій врага. Послѣ сдачи намъ нѣмцами своего квартала (гдѣ они, кстати сказать, сразу начали безпощадно тѣснить и казнить населеніе, только что съ благодарностью поднесшее почетный зонтъ своему, справедливо строгому, полицеймейстеру «великому сибирскому капитану Демидову») имъ подъ разными предлогами представилось излишнимъ выдать даже росписку въ полученіи ими отъ насъ арсенала.

Туда, между прочимъ, захотѣли временно помѣстить наши палатки. Въ этомъ сначала было отказано, за неимѣніемъ будто бы мѣста, хотя пустыхъ сараевъ насчитывалось болѣе чѣмъ достаточно. Наконецъ, вещи приняли, но стали ими пользоваться, попортили и потеряли часть и т. д. и т. д. Если обо всемъ говорить, никогда не кончить. Почему французы, идя на Пекинъ, ограничивались шутливымъ нареченіемъ названій разнымъ разрушеннымъ городскимъ и деревенскимъ улицамъ и площадямъ по пути туда «Avenue de Pékin», «Place Lafayette», etc., тогда какъ нѣмцы, не участвуя непосредственно въ занятіи столицы, окрестили теперь виднѣйшія улицы и ворота ни на чемъ ровно не основанными претенціозными наименованіями «Waldersee-Strasse», «Kaiser-Thor»?..

Странную и довольно гнусную картину являетъ собою въ данный моментъ опозоренная, загрязненная непріятельскимъ

нашествіемъ, разрушенная въ своихъ главныхъ основахъ столица Китая. Вѣяніе тысячелѣтій,—проносившееся надъ ея запыленными чертогами и отдѣляющееся до сихъ поръ отъ чудныхъ барельефовъ каждаго мраморнаго крыльца, ведущаго въ палаты воплощеннаго буддійскаго бога мудрости Маньчжушри (богдыхана), — исчезаетъ нынѣ не по днямъ, а по часамъ. Къ сожалѣнію, съ войсками, наступавшими на Пекинъ, не было оріенталистовъ, художниковъ, археологовъ, чтобы спасти или научно, книжно, артистически сохранить для потомства важнѣйшія данныя о современномъ китайскомъ Вавилонѣ, вѣрно отражавшемъ своею придворною и религіозною культурою незапамятную древность угасшихъ азіатскихъ царствъ, монументальную и идейную старину Ниневіи, Египта фараоновъ, языческой Индіи.

Настроеніе въ Пекинѣ гораздо оптимистичнѣе тревожнаго тянь-цзинскаго, хотя насилія иностранныхъ, т. е. преимущественно нѣмецкихъ солдатъ, сказываются въ одинаковомъ размѣрѣ, — иными словами, легко могутъ вызвать новыя осложненія. Кромѣ экспедиціи на Калганъ, нѣмцы посылаютъ вообще отряды инспектировать, а попутно раззорять мѣстности, гдѣ, по слухамъ, скопляются боксеры. Никакихъ настоящихъ переговоровъ съ княземъ Циномъ и Ли-хун-чжаномъ все нѣтъ и нѣтъ. [1]) Населеніе, молча, возмущается дѣйствіями союзниковъ. Для большей профанаціи китайскаго культа предковъ въ храмѣ Неба (въ его оградѣ) сложены стоги сѣна для индійской кавалеріи. Надежды вернуть дворъ замѣтно исчезаютъ. Недавнимъ указомъ разжалованный принцъ Туанъ, отецъ престолонаслѣдника, глава и патронъ боксеровъ, ссылается въ Мукденъ подъ наше наблюденіе, чему можно только радоваться. Очевидно, эти милые китайцы политически думаютъ за насъ... Европейцы понимаютъ это и требуютъ его примѣрнаго наказанія, опасаясь въ то же время мести

[1]) Даже и теперь послѣ истребованныхъ казней!

будущаго подростающаго богдыхана, нынѣшняго престолонаслѣдника. Намъ такія крутыя мѣры, однако, по меньшей степени, ни къ чему не нужны. Такихъ дѣятелей, какъ вождя китайскихъ націоналистовъ, мы, конечно, не можемъ поддерживать или поощрять,—но относиться къ нему съ дикимъ озлобленіемъ, только потому, что этотъ человѣкъ по своему хотѣлъ оборонить попираемую чужеземцами родину, послѣ ея недавняго погрома, уже совершенно излишне: дворъ наказанъ и несказанно униженъ. Пора искать разумныхъ средствъ установить съ нимъ возможный modus vivendi! Обращеніемъ части Пекина, почти у стѣнъ императорскаго города, въ крѣпость (съ дипломатическими миссіями и десантами державъ) немыслимо достигнуть возсозданія связей съ бѣжавшей династіею. Не дальнѣйшими угрозами и насиліями, а сознаніемъ и выясненіемъ взаимныхъ интересовъ союзники могутъ надѣяться рано или поздно заключить съ Китаемъ миръ.

Для этого, конечно, послѣднимъ нельзя опираться въ рѣшеніяхъ проблемы на тѣхъ своихъ представителей, которые проглядѣли надвигавшуюся катастрофу, а теперь дышатъ местью противъ китайцевъ за свое «пекинское сидѣніе». Впрочемъ, этихъ представителей и нельзя особенно винить! Живущіе на Западѣ въ водоворотѣ политической и общественной жизни, среди интересной борьбы принциповъ и опредѣленныхъ индивидуальностей, не могутъ себѣ представить убожества той духовной атмосферы, среди которой приходится жить и съ муравьиной кропотливостью творить тѣмъ, кого судьба забросила на покрытый плѣсенью и тиной, засасывающій, притупляющій европейца умственно и нравственно Востокъ... Руки опускаются писать и откликаться изъ такого адскаго отдаленія. Голова перестаетъ тамъ работать на западный ладъ среди застывшихъ формъ совершенно своеобразнаго міра. Чувства атрофированы монотонностью жизни, для которой время положительно перестало существовать.

IV.

Es handelt sich bei den Kämpfen, in denen wir heute stehen, nicht um einen Feldzug, den eine kleine Schaar ehrgeiziger Männer zur Förderung eigener Interessen entfacht hat... («Der Ostasiat. Lloyd», № 44. 2 Nov. 1900).

Послѣ того какъ мнѣ на предъидущихъ страницахъ бѣгло пришлось очертить положеніе вещей на Дальнемъ Востокѣ, съ нашей русской точки зрѣнія, позволю себѣ перейти къ щекотливѣйшему изъ вопросовъ: какъ выйти изъ того нелѣпѣйшаго тупика, въ который попали державы, взбудораживъ и, въ сущности, очень слабо погромивъ Китай? Не настанетъ-ли въ близкомъ будущемъ день, когда фантазирующій о нѣмецкомъ главенствѣ въ Восточной Азіи (?), педантично мыслящій и самодовольный Берлинъ не безъ изумленія скажетъ посланному туда для осуществленія этой цѣли фельдмаршалу: «Варръ, Варръ! отдай мнѣ мои легіоны...»? Тѣмъ, что союзники, послѣ нашихъ побѣдъ при Таку и Тянь-Цзинѣ, съ успѣхомъ прошли по беззащитной странѣ грабить Пекинъ и рѣзать мирное сельское населеніе, этимъ еще ни на іоту не подвинулось рѣшеніе проблеммы,—что дѣлать дальше съ колоссальной имперіей, если раздѣла ея дѣйствительно боятся и не хотятъ. До смѣшного нелогичныя дипломатическія попытки вернуть богдыханскій дворъ въ его ежечасно оскверняемый, такъ-называемый «запретный городъ» ни къ чему до сихъ поръ не приводили и, конечно, до сколько-нибудь удовлетворительнаго результата не приведутъ. Типичная старая императрица, являющаяся одной изъ энергичнѣйшихъ представительницъ своей крѣпкой рассы, своего даровитаго народа, и не думаетъ сдаваться въ только-что начинающей разыгрываться борьбѣ между двумя мірами, гдѣ Россіи положительно нечего выступать пока въ активной роли... Китай послѣ послѣднихъ событій не въ состояніи былъ бы оцѣнить нашего великодушія

(довольно будетъ и того, если мы оставимъ маньчжурской династіи сюзеренитетъ въ Маньчжуріи!), а Западъ до того проникнутъ къ намъ неизцѣлимою непріязнью, что даже осязательную помощь русскихъ принимаетъ въ качествѣ чего-то должнаго по отношенію націй высшаго порядка со стороны варваровъ-московитовъ.

Послѣ рѣшенія со стороны нашего правительства увести почти всѣ войска изъ побѣжденнаго печжилійскаго района въ спеціальную сферу нашихъ политико-экономическихъ интересовъ, пребываніе россійскаго посланника въ покинутомъ старою богдыханшею Пекинѣ, къ сожалѣнію, подаетъ поводъ къ всевозможнымъ недоразумѣніямъ.

Получивъ изъ русскихъ рукъ русской кровью запечатлѣнное наслѣдіе, гр. Вальдерзее и окончательно здѣсь въ странѣ за послѣднее время распухающіе отъ важности нѣмцы смотрять на Китай, какъ на свою естественную и легкую добычу, волнуютъ и угнетаютъ народъ, открыто распространяя среди невѣжественной массы басни про то, что это они удалили русскихъ изъ столицы. Мирный договоръ, заключенный тамъ нынѣ съ уполномоченными лицами, въ глазахъ китайцевъ являлся бы поэтому положительно чѣмъ-то косвенно созданнымъ Германіей. Довольно, кажется, однако, и одного берлинскаго конгресса?!

По моему, теперь *гдѣ угодно, но только не въ Пекинѣ, мѣсто для серіозныхъ переговоровъ о мирѣ*, который долженъ рано или поздно вымаливать у Русскаго Государя, чрезъ особыхъ пословъ, маньчжурскій дворъ... Дипломатическія бесѣды, подъ сѣнью палатъ новоявленнаго богдыхана Вальдерзее, лишь окрыляютъ наивно-хитрыхъ китайцевъ надеждой на реваншъ и разладъ между союзниками. Тяжело и больно, просто жутко становится русскому человѣку, слѣдя въ столь важный историческій моментъ за тѣмъ, что дѣлается на развалинахъ нѣкогда великой имперіи. Какіе-то нищіе итальянцы, какіе-то

всюду всѣми битые австрійцы жадно протягиваютъ, заискивая у нѣмцевъ, цѣпкія руки къ чужому добру, пока Россія вынуждена страдать матеріально и нравственно отъ вакханаліи, разжигаемой на Дальнемъ Востокѣ западными народами...

Состояніе Маньчжуріи болѣе чѣмъ печально и двусмысленно. Необходимо безотлагательное попеченіе объ этомъ краѣ, способномъ при данныхъ условіяхъ обратиться въ пустыню. Имъ нельзя толкомъ управлять, пока онъ или не присоединенъ окончательно, вопреки до смѣшного дерзкому англо-германскому соглашенію, или не умиротворенъ богдыханскими указами. Средняго пути нѣтъ... но вернуть въ Пекинъ маньчжурскую династію, послѣ разграбленія ея дворцовъ, пока немыслимо,—параллельно же съ тѣмъ мы будемъ изнемогать отъ непроизводительныхъ жертвъ и, въ силу вещей, неизбѣжнаго отсутствія опредѣленныхъ плановъ...

«При всей глубокой симпатіи къ китайцамъ, какъ и къ русскимъ инородцамъ вообще (писалъ мнѣ въ сентябрѣ изъ Тянь-Цзиня одинъ нашъ старожилъ), я долженъ сознаться, что здѣсь, вблизи, при непосредственной къ нимъ близости, невольно, инстиктивно проникаюсь къ нимъ другими чувствами, видя, какая и въ нихъ къ намъ съ 1897 г. пробудилась плохо маскируемая вражда». Такого врага мало сломить или обезвредить на время, но нужно сознательно и поскорѣе перевоспитать въ иномъ духѣ, вникая въ складъ жизни вообще, весь психическій строй народа, который, разбуженный въ самомъ нежелательномъ смыслѣ Западомъ и нами, именно намъ въ теченіе истекающаго тысячелѣтія (т. е. весь XX вѣкъ) можетъ стать *опаснѣйшимъ изъ сосѣдей или коварнѣйшимъ изъ подданныхъ*. Настала минута рѣшать вопросъ не только въ военномъ отношеніи и искусствомъ инженеровъ, но еще, главнымъ образомъ, при помощи культурныхъ средствъ лучшими русскими людьми въ царствованіе Того, Кто при закладкѣ Уссурійской ж. д. въ 1891 г. Своими руками положилъ начало нашему Великому пути къ свободному океану.

V.

Difficile est satyram non scribere.

Въ дипломатической средѣ Пекина, повидимому, рѣшено ни на минуту не отрѣшаться отъ оптимистическаго взгляда на вещи. Тамъ до такой степени живутъ настоящимъ, не рѣшаясь даже заглядывать во мракъ грядущаго дня, что простодушныя, наивныя опасенія людей практики, людей, не призванныхъ вершить міровыя событія, а способныхъ только спрашивать и недоумѣвать, съ высшей дипломатической точки зрѣнія, должны казаться лепетомъ младенца. Между тѣмъ, факты съ неумолимой логикой выдвигаютъ на очередь вопросы столь внушительнаго объема, что можно, по справедливости, приходить на каждомъ шагу въ ужасъ, если пристальнѣе вглядываться въ ихъ значеніе. Какой получился благой результатъ въ матеріальномъ или культурномъ отношеніи отъ жестокаго погрома всѣми могущественнѣйшими державами сообща одной пока провинціи слабѣйшаго на свѣтѣ государства? Чѣмъ онѣ себѣ возмѣстятъ громадные военные убытки и потери отъ разрушающейся торговли, лопающихся предпріятій, неосуществимыхъ концессій? Когда окончится едва лишь начиняющая разгораться расовая борьба Запада и Востока, которою главнымъ образомъ, грозитъ ознаменоваться XX-ое столѣтіе? Такихъ загадокъ жизнь выставляетъ сколько угодно. Отвѣта на нихъ нѣтъ и пріискать нельзя. Ключи отъ тайны утеряны;

Какою рыбою сглонуты
Ключи тѣ заповѣдные,
Въ какихъ моряхъ та рыбина
Гуляетъ,—Богъ забылъ...

Намъ—русскимъ всего тяжелѣе отъ подобной неопредѣленности. При наличности ея, немыслимо спокойно работать, установлять разумный modus vivendi съ сосѣдями, вѣрить въ болѣе свѣтлое будущее и наступленіе лучшихъ дней, по крайней мѣрѣ, для слѣдующаго поколѣнія.

Ставя свои условія Китаю для начала мирныхъ переговоровъ, воюющія съ нимъ de facto правительства по странной случайности забыли включить въ параграфы требованій, которыя державы ставятъ Китаю, одну весьма простую вещь, что наиболѣе оскорбленной китайцами и наиболѣе потерпѣвшей отъ боксерскаго движенія державой является Россія. Въ то время какъ дипломатія вырабатывала чуть-ли не программу китайскихъ искупительныхъ жертвъ за убійство Кеттлера и маленькаго чиновника японской миссіи, настаивая на посылкѣ особыхъ торжественныхъ посольствъ въ Берлинъ и Токіо для заглаживанія столь тяжкой вины, никто ни словомъ не обмолвился о необходимости увидѣть со стороны маньчжурскаго двора яркое сознаніе своихъ ошибочныхъ и преступныхъ дѣйствій въ отношеніи насъ, бывшихъ до сихъ поръ важнѣйшею естественною опорою дряхлѣющей династіи. Отъ Европы намъ, конечно, нечего было ждать благодарности: вольно же было намъ въ самомъ дѣлѣ на пользу другихъ понести подъ Таку наибольшій уронъ,—вольно же было намъ посылать отряды для спасенія Тянь-Цзиня, когда Амуръ оставался беззащитнымъ и традиціонный нашъ путь изъ Урги за Калганъ бросался на произволъ судьбы. Но понять это тяжело и обидно. Положительно не пристало народу съ нашимъ міровымъ призваніемъ вѣчно служить орудіемъ успѣха для хитроумныхъ націй, которыя ищутъ грубой поживы отъ русскихъ лишеній и побѣдъ...

Всякое соглашеніе державъ съ Китаемъ должно бы по справедливости начинаться выраженіемъ соболѣзнованія тому, чтò онъ себѣ позволилъ относительно граничащаго съ нимъ на тысячи верстъ сосѣда. Все содѣянное китайцами противъ остальныхъ правительствъ сравнительно ничтожно и за это они уже понесли страшнѣйшую кару. Только мы почти не отмщены, продолжаемъ страдать экономически отъ возможныхъ осложненій въ близкомъ будущемъ и отъ хаотическаго состоянія Маньчжуріи, теряемъ время и силы въ угоду неизвѣстно кому и чему. Не пора-ли опомниться?

Изъ всѣхъ государствъ, могущихъ оказывать подавляющее вліяніе на имперію богдыхановъ, по своему географическому положенію, Россія занимаетъ первенствующее мѣсто. Захоти она, и завтра же Кашгарія, Монголія свободно окрасятся въ нашъ цвѣтъ, лишая китайскихъ правителей не только половины владѣній, но и остатковъ престижа въ Азіи. Другія націи хотятъ забрать у маньчжурскаго двора и то, что имъ въ руки не дается. Мы же могли бы аннектировать края, давно къ намъ тяготѣющіе и просящіеся въ наше подданство, но не дѣлаемъ этого изъ принципа и по свойственному намъ великодушію. Но побудитъ-ли насъ, однако, самъ Китай, по своей косности и своему политическому безразсудству, совершить многое исторически-предопредѣленное намъ, идя при этомъ наперекоръ собственнымъ искренно миролюбивымъ и консервативнѣйшимъ намѣреніямъ? Надо полагать, что да...

Когда на Западѣ, наконецъ, удостоятъ понять, насколько современное политическое положеніе нелѣпо и невыносимо, въ печати и въ кабинетахъ опять подымется вопль противъ китайцевъ: бей ихъ! При заревѣ пожаровъ надъ кантонскимъ райономъ и бассейномъ Янъ-цзы, видя вторженіе иностранцевъ въ самое сердце страны, мы (даже при твердой рѣшимости выйти изъ концерта державъ) по праву «beati possidentes» хозяйственно займемся добровольно отдающимися подъ наше попеченіе богатѣйшими пустырями застѣннаго Китая. Вся суть—только въ томъ, чтобы не ворошить тамъ сразу туземнаго патріархальнаго быта, не вводить тамъ сибирской полиціи, не посылать туда для пополненія оффиціальной отчетности формалистовъ-миссіонеровъ. Найдутся же у насъ люди, способные приступить къ насажденію въ этихъ новыхъ краяхъ здоровыхъ зачатковъ обрусѣнія?!

Тѣмъ временемъ, пока я объ этомъ пишу, всемогущая богдыханша, отдыхая отъ интригъ западной дипломатіи, кейфуетъ въ недоступномъ Сіанфу, а на Западѣ разсматриваются и

одобряются чисто-теоретически разные проекты требованій двору, который въ сущности хочетъ игнорировать «варваровъ»:

Пишетъ, пишетъ король прусскій
Государынѣ французской,
Мекленбургское письмо.

VI.

Одна Германія израсходовала уже сотни милліоновъ марокъ на войну съ Китаемъ. Державы въ совокупности истратили на этотъ предметъ свыше полумилліарда (не считая колоссальнѣйшихъ потерь Россіи въ связи съ Маньчжурской жел. дорогой). Каждую недѣлю таютъ новые милліоны. Торговля на китайскихъ побережьяхъ сократилась болѣе, чѣмъ на половину. А вѣдь она въ 1899 году доросла до 70 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ! Коммерсанты тамъ—наканунѣ раззоренія. Убытки туземцевъ отъ разрушенія и разграбленія чжилійской провинціи (далеко и широко вокругъ Пекина) не поддаются опредѣленію: деньгами, вещами, сокровищами искусства и проч.; лишенные крова и пищи жители, поспѣшно бѣжавшій въ послѣднюю минуту дворъ потеряли неисчислимыя суммы. Если тяжесть кары за содѣянныя преступленія можетъ измѣряться степенью понесенныхъ матеріальныхъ утратъ и жесточайшихъ нравственныхъ страданій, то униженный и опустошенный сѣверъ Китая искупилъ боксерскія вины очень дорогой цѣной. Народъ, въ районѣ владычества союзниковъ подавленъ обрушившимся на страну бѣдствіями. Что же дальше? Куда же насъ доведетъ подобное тоскливое положеніе?

Пока въ Шанхаѣ и на сѣверѣ европейцы ждали гр. Вальдерзее, всѣ разсчитывали, что съ его пріѣздомъ всякія осложненія и затрудненія испарятся, какъ дымъ:

Вотъ пріѣдетъ баринъ,
Баринъ насъ разсудитъ...

Но сангвиническія надежды не сбылись. Положеніе стало обостреннѣе и неопредѣленнѣе, чѣмъ когда-либо. Нѣмцы серіозно обсуждаютъ вопросъ о неизбѣжности труднаго похода на Сіанфу и полученія реквизиціоннымъ способомъ верблюдовъ въ Монголіи, т. е. въ русской сферѣ вліянія, гдѣ подобный образъ дѣйствій взбудоражитъ цѣлую страну съ пастушескимъ народонаселеніемъ. Китай лежитъ теперь подъ пятою побѣдителей, въ видѣ страшнаго сфинкса, который неизвѣстно, что сдѣлаетъ или изречетъ въ близкомъ будущемъ. Дипломатія безсильна создать сколько нибудь сносный modus vivendi «мирно воюющихъ державъ съ царствомъ уподобившагося незримымъ драконамъ богдыхана». Роли до того перепутались, что въ данное время скорѣе послѣднія кажутся ищущими мира и успокоенія, въ лицѣ посланниковъ при пустынномъ пекинскомъ дворцѣ, чѣмъ колоссъ на глиняныхъ ногахъ, достаточно потоптанный этимъ лѣтомъ. Разница во взаимоотношеніяхъ квазипобѣжденной имперіи съ торжествующими побѣдителями такъ поразительна, что туземный людъ не можетъ не придти въ недоумѣніе: кто же у кого проситъ выгоднаго соглашенія, мы-ли у иностранцевъ или «опять» (!!) они у насъ?.. Развѣ дѣйствительно Европа, столь негодовавшая на боксерское движеніе, не пошла въ Каноссу къ вдовствующей китайской императрицѣ, допустивъ и даже лелѣя мысль о возстановленіи добраго согласія съ маньчжурской династіей чрезъ Цинъ-циньвана и Ли-хунъ-чжана? Но если такъ, то надо на себя взглянуть въ зеркало и не пенять на реальный характеръ отраженія...

Весьма извѣстный своимъ фельетоннымъ шовинизмомъ въ мірѣ британскихъ публицистовъ и географовъ Archibald Colquhoun, недавно еще издавшій двѣ объемистыхъ книги «China in Transformation» и «The Overland to China» въ послѣдней новѣйшей брошюрѣ «The Problem in China and British Policy» откровенно сознается, что въ данное время Англія провалилась

среди двухъ стульевъ. Она все хотѣла ухитриться, въ виду сложности надвигавшихся событій, держаться для виду политики «open door»,—но, и параллельно съ тѣмъ, пренаивно стала участвовать въ захватѣ и дѣлежѣ китайской территоріи, отстаивая несовмѣстимую съ «open door» политику «разграниченія сферъ вліянія». Въ результатѣ правительству королевы-императрицы въ 1900 г. пришлось играть на китайскомъ побережьѣ далеко не почетную роль. Войска (особенно индійскія) оказались чисто декоративными и возбуждающими смѣхъ наряду съ мужественно-стремительными нѣмецкими, японскими и, само собою разумѣется, русскими. Флотъ явился лишь равнымъ пока германскому, если не болѣе слабымъ по случаю неприсылки лучшихъ судовъ. Бассейнъ Янъ-цзы, на обладаніе которымъ,—подъ тѣмъ или инымъ соусомъ, — столь кичливо надѣялась англійская печать, представляется res nullius, причемъ интересы Германіи, Америки, Японіи грозятъ отчасти заслонить британскія мечты о первенствѣ и владычествѣ въ этомъ благодатномъ районѣ. Что же «царицѣ морей» дѣлать при рѣшеніи китайскаго вопроса концертомъ державъ? По частнымъ свѣдѣніямъ, она со своей обычной тактикой повела съ вице-королями отдѣльные секретные переговоры и все думаетъ околпачить другихъ, снять пѣнки съ заваренной всѣми каши, вернуть себѣ утраченный (едва-ли не навсегда!) престижъ на Дальнемъ Востокѣ. Намъ отъ подобныхъ эквилибристическихъ упражненій не можетъ быть ни тепло, ни холодно. Чѣмъ искуснѣе и разнообразнѣе они будутъ производиться, тѣмъ поучительнѣе смотрѣть на нихъ со стороны.

Въ одной изъ моихъ депешъ въ „Спб. Вѣд.“ съ Дальняго Востока говорилось:

«Политическое положеніе крайне загадочно, неудовлетворительно; послѣ побѣды русскихъ войскъ, поверженный край хотѣлъ мира, просилъ его; тогда большинство союзниковъ всячески помѣшало Ли-хун-чжану начать переговоры, теперь

Вальдерзее тріумфаторомъ вступилъ въ Пекинъ; на костяхъ нашихъ воиновъ самоувѣренно стали нѣмцы; народъ ими тѣснится и обижается. Подъ предлогомъ невозможности правильно сноситься съ одичалымъ дворомъ, пока германская политика дышетъ местью и разрушеніемъ, китайцы упрямо уклоняются отъ мирной развязки, тѣмъ болѣе, что шейлоковскіе проценты, которые желаютъ взять съ Китая тоже пахавшіе съ горстью солдатъ австрійцы и итальянцы, только усиливаютъ осложненія, мѣшая всякому конечному мирному исходу. Настроеніе самое подавленное; невѣжественная чернь въ связи съ бродящими всюду туземными мародерствующими войсками, способна создать повтореніе пекинскаго сидѣнія въ большемъ размѣрѣ». Къ сожалѣнію, сказанное тогда, осенью, остается въ полной силѣ и теперь, когда въ этомъ темномъ, смрадномъ и душномъ погребѣ, который еще продолжаютъ по недоразумѣнію считать столицей Китая (но куда указы богдыхана проникаютъ черезъ Шанхай съ опозданіемъ въ нѣсколько дней) горячечный бредъ начинаетъ овладѣвать общественными и государственными дѣятелями, сдѣлавшими изъ вопроса переговоровъ съ поверженнымъ «колоссомъ» предметъ удовлетворенія личной ненасытной мести и предлогъ для полнѣйшаго dolce far niente за эту зиму, пока наивные соотечественники дома, на Западѣ, ждали и ждутъ разумнаго рѣшенія неразумной по существу китайской проблемы. Прежде всего оно должно быть поставлено въ зависимость отъ притока свѣжаго воздуха и дневного свѣта.